

К истории сармато-аланских племен Жетысу и Южного Казахстана в конце III–IV вв. (по материалам археологии)

Исторические судьбы многих племен связаны с территориями Южного Казахстана и Жетысу. Эти земли издревле существовали на стыке великих степей и среднеазиатской городской цивилизации, они входили в этнополитическое объединение Кангуй (II в. до н. э. IV в. н. э.), основой которого являлись каунчинская, отрарско-каратауская и джетыасарская культуры. Средняя и нижняя Сырдарья, Фергана и Шаш представляли единую культурно-хозяйственную зону. Отрарско-каратауская археологическая культура была распространена в районах среднего течения Сырдарьи и предгорьях Каратау до Таласа.

В разные годы археологами были открыты архитектурные комплексы с крестообразными сооружениями, датируемые концом III–IV вв. Памятники относятся к отрарско-каратауской культуре [7, с. 55]. Они расположены в Таласской долине (Чоль-тобе, Кзыл-Кайнар-тобе) [37, с. 39,41] и на юге – на территории цитадели древнего Ясы/Туркестана (Культобе) [50]. Крестообразные сооружения сложены из сырцового кирпича и пахсы. К ним примыкали дворы и прямоугольные постройки, состоящие из вытянутых коридорообразных помещений с коробовым перекрытием.

В результате проведенного исследования [54, с. 55] был сделан вывод, что памятники связаны с культом Солнца, в них воплощены основные этапы солнечного цикла: рождение Солнца, Солнце в зените, постепенное угасание Солнца и подземное или ночное Солнце. Первоначально построили крестообразное сооружение Культобе. Об этом свидетельствует наличие световых окон в восточной ветви крестообразного сооружения, куда проникали солнечные лучи в разное время года. В период закладки всех окон, кроме юго-восточного, и пристройки юго-восточного здания строятся сезонные памятники в Таласской долине (Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе) и функции памятников разделяются. По комплексу признаков высказано предположение, что памятники связаны с определенным временем года. Культобе – с зимой, Чоль-тобе – с летом, Кзыл-Кайнар-тобе – с осенью. Культобе в Южном Казахстане было местом зимовки. В районе Таласской долины население, практикующее отгонное животноводство, пребывало в теплое время года. Обряды, проводимые на трех памятниках, имели сезонные отличия. Основу обрядовой практики составляли акты космогенеза, происходившие под руководством жрецов, посвященных в тайны мироздания [55].

Культовая архитектура Жетысу и Южного Казахстана I–IV вв. н. э. складывалась на основе хронологически предшествующих погребальных памятников с крестовидной планировкой, соотносимых с культом Солнца. Ю.А. Рапопорт при исследовании культового сооружения Хорезма Кой-Крылган-Кала (IV в. до н. э. – I в. н. э.) отметил сходство планировочных принципов с погребальными памятниками в низовьях Сырдарьи: Тагискен (мавзолей №1) X–VIII вв. до н. э., Чирик-рабат (круглый мавзолей) и Баланды-3, датированных периодом IV–II вв. до н. э. [46, с. 73-75,79]. Крестовидную планировку имели памятники каунчинской культуры: Актобе-2 (I – начало IV вв.) и Актобе-1 на средней Сырдарье [15, с. 40]. В Нахшабе выявлена крестообразная планировка на крупной укрепленной постройке близ античного городища Киндиклитепа (Киндиктепа). На основании анализа форм керамических сосудов, памятник датирован IV–V вв. н.э. Монета V–VI вв. допускает более позднюю датировку [60, с. 155-161; 52, 2000, с. 259, рис. 5]. Актобе-2 определен как укрепленный храм. Он относится к культуре Кангуй и сарматам, к двум первым этапам Каунчи. Время существования постройки на Актобе-1 пересмотрено и отнесено к IV–VI вв., к периоду Каунчи-3. Происхождение купольного перекрытия на

Актобе-2 и предполагаемого шатрового перекрытия на Актобе-1 (во втором периоде) связано с предшествующими по времени погребальными конструкциями[53].

Архитектурные комплексы конца III–IV вв.: Чоль-тобе, Кзыл-Кайнар-тобе и Культобе имеют сходство в планировке с близкими по времени крестовидными памятниками: Сеталак-I в Бухарском оазисе (на втором этапе существования) [52, с.249-250, 258-259]; с крестовидными постройками в районе Ташкента – на Шаштепа [58, с. 56-59] и городище Мингурик [59, с. 10]; с сооружением в Фергане около Чунтепа в Керкидоне [17, с. 110]. Однако, восстановленный обряд имеет характерные особенности.

На основании анализа погребений на культовых комплексах конца III–IV вв. (Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе), знака-тамги, найденной на Культобе, письменных источников и исторических исследований, сделан вывод, что эти объекты были созданы представителями сармато-аланских племен [7]. В памятниках прослеживается преемственность с погребальными постройками и они, имея явную связь с культом Солнца и предков, продолжают традицию храмов-мавзолеев.

При постройке храмов были использованы строительная техника и приемы, известные на памятниках джетыясарской культуры. Л.М. Левина отметила, что подземные и наземные склепы джетыясарской культуры связаны происхождением с мавзолеями Северного Тагискена, повлиявших на развитие погребальных памятников чиркрабатской культуры[33, 1996, с.88-89]. Воздействие джетыясарской культуры соотносится с передвижением племен, обусловленным сложной экологической ситуацией и историческими событиями, что подтверждается археологическими исследованиями. В конце III – начале IV вв. н. э. прекращается жизнь на некоторых городищах в Джетыясарском урочище, в материалах отарско-каратауской и каунчинской культур отмечено появление большого количества джетыясарских форм и элементов [32, с. 174; 33]. В неоднократных передвижениях на запад (в том числе в районы Северного Кавказа), на юг и юго-восток (вверх по правому берегу Сырдарьи) представители джетыясарской культуры приносили с собой керамику, инвентарь, строительную технику, в том числе типы погребальных сооружений. Преемственность прослеживается в аланских каменных склепах Северного Кавказа и в сырцовых погребальных сооружениях Южного Казахстана. Планы склепов Борижарского и других могильников Южного Казахстана практически полностью совпадают с джетыясарскими склепами. В среднесырдарьинском регионе сырцово-пахсовые склепы, датируемые IV–VIII вв., приходят на смену подкурганам катакомбам, существовавшим с первых веков до н. э. по V в. н. э. [33, с. 89;6].

На Культобе были найдены тамги, синхронные крестообразной постройке. Крестовидная тамга с крючками на концах встречается в сармато-аланских комплексах Северного Причерноморья. Она опубликована в работах Э.И. Соломоник [51], В.С. Драчука [21, с. 125, табл. VIII, 556.], В.С. Ольховского [44, рис. 8,174], С.А. Яценко [62, рис. 23,а]. По комплексу данных, датирующих памятник с крестообразной постройкой на Культобе, тамга, вероятно, использовалась в период конца III – первой половины IV вв. По замечанию С.А. Яценко, промежуточная гуннская эпоха конца IV–V вв. – между сарматским временем и ранним средневековьем – с её политической нестабильностью, масштабными миграциями и политически приниженным положением аланов под гуннской властью, почти не дает находок изображений тамг аланов по всему ареалу их расселения [62, с. 110].

В Таласской долине были открыты погребения: на Чоль-тобе – одно женское и два мужских, сделанные при жизни памятника, и погребение воина на Кзыл-Кайнар-тобе, совершенное в период запустения постройки. В недокопанном на момент подготовки статьи памятнике Культобе был вскрыт кенотаф в виде камеры-катакомбы в

восточной части вытянутого помещения крестообразной постройки. Западная часть того же помещения пока не вскрыта, этот участок заложен сырцовыми кирпичами [50].

На Чоль-тобе в крестообразном сооружении было обнаружено женское захоронение в возрасте 12-15 лет. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. К сопровождающему инвентарю относятся костяная трубка-игольник и керамическое пряслице [37]. Захоронение на Чоль-тобе сопоставлено со строительной жертвой, а сама погребенная с образом богини с веретеном [54]. Сарматские погребения знатных женщин I– конца IV вв. н. э. с разными погребальными конструкциями, территориально отдаленные друг от друга, демонстрируют важную роль женщины-жрицы, образ которой и выполняемые функции были связаны с представлениями о судьбе, воплощенными в богине с веретеном. Во всех погребениях были найдены пряслица, целые веретена, или игольники.

В коридорообразных помещениях прямоугольного комплекса Чоль-тобе в районе входов, под полом, были обнаружены погребения мужчин европеоидного типа в возрасте 50-60 лет. Мужчины были погребены в скорченном положении. В *помещении 8* скелет лежал на правом боку головой на северо-восток, в *помещении 3* на левом боку, головой на северо-запад. Погребения в скорченном виде на правом или левом боку известны с эпохи позднего палеолита, в эпоху бронзы были распространены на обширной территории и отнесены к разным археологическим культурам. В ряде случаев они связываются с индоевропейской традицией. В скифских культурах Горного Алтая и Тувы захоронения людей в скорченном положении сохраняются до конца эпохи раннего железа [19, с. 170-171]. 6 захоронений мужчин в скорченном виде встречено на памятниках джетыасарской культуры [33, с. 108, 119, рис. 50, 3-8]. Г.А. Брыкина, рассматривая погребальные сооружения и обряды Ферганы 1 тыс. н. э., отметила отражение культа солнца. В юго-западной Фергане интересен большой курган в Оут-сае. Под его насыпью на уровне древнего горизонта сделаны каменные выкладки. На восточной половине площадки почти в центре находилась еще одна кольцевая выкладка. В овальной ямке в скорченной позе лежал скелет, череп которого был отделен от тела и положен слева от погребенного. Г.А. Брыкина предположила, что площадка была культовым местом. Выкладки полукольца связаны с солярным культом, а на площадке совершались какие-то действия в честь Солнца [13, с. 109-110].

Погребения в скорченном виде встречаются у сармат. В.И. Мамонтов, рассматривая нестандартные погребальные обряды сарматов в курганах Волго-Донского междуречья, выделил единичные погребения в скорченном виде [38]. Погребения в скорченной позе присутствуют в катакомбных погребениях алан V–VIII вв., наибольшее количество которых расположено в западной части Северного Кавказа на территории Кисловодской котловины. Если подавляющее большинство мужчин погребено в вытянутой позе и встречены единичные скорченные захоронения, то среди женских погребений больше половины уложено скорчено на левом и правом боку, остальные вытянуто на спине. В одной катакомбе могут присутствовать погребения в вытянутой и скорченной позах. Часто у мужчин, женщин и детей встречаются деформированные черепа [28, с. 7, 17-18; 47]. Аланскими племенами оставлен лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. Он занимает территорию верховий Северского Донца, Оскола и Дона. Это были аланы, которые под натиском арабских войск покинули предкавказские равнины и предгорья и двинулись на север. Подавляющим типом погребений на них являются катакомбные захоронения. Захоронения в камерах бывали одиночные, парные, семейно-групповые. Мужчин хоронили вытянуто на спине, женщин – скорченно на боку [45, с. 94].

Скорченные погребения изредка встречаются на могильниках восточных и западных славян. В южнорусских землях их насчитывается 16. В Словакии на могильнике Забор из 52 погребенных четыре находились в скорченном положении. В скорченных погребениях некоторые видят погребения волхвов [48, с. 133]. Алтайских шаманов еще недавно хоронили по обряду скифской эпохи – в специфической скорченной позе и с каменной «подушкой» под головой [26, с. 88].

Для того чтобы лучше понять значение и смысл проводимых обрядов, можно обратиться к мифологии, эпосу и реликтовым проявлениям в обрядности народов Северного Кавказа, сохранивших древние традиции скифо-сармато-аланских племен, несмотря на принятие христианства.

Практически у всех народов Северного Кавказа получил распространение нартский эпос, основу которого составляют сказания о происхождении и приключениях героев-богатырей (Нартов). Ж. Демюзиль отметил, что «некоторые образы Нартов, по-видимому, вышли из аланского, сармато-скифского, «евро-иранского», т. е. в конечном счете, осетинского фонда». Осетины через алан являются наследники нескольких сарматских племен [22, с. 26-27, 33-36, 161]. На протяжении более двух тысяч лет носители нартского эпоса вступали в контакты со многими народами. Десятки названий различных индоевропейских, тюркских и кавказских народов, сохранившихся в эпосе, свидетельствуют о былых контактах [20, с. 259].

В.И. Абаев рассмотрел культовые понятия осетин и пришел к выводу, что первоначальными для них были культ солнца, культ огня и некоторые тотемистические культы [1, с. 70]. Разбирая этимологию термина «Нарт», он привел сведения, полученные от одного из осведомителей: «Когда-то у солнца были дети, богатыри Нарты» [2, с. 275-278].

Жертвенные захоронения на Чоль-тобе – погребение женщины с пряслицем и игольником в центральном сооружении и два мужских погребения в помещениях прямоугольного здания (предположительно в точках смерти и рождения Солнца в день летнего солнцестояния) – находят соответствия в нартском эпосе. Возможно, они связаны со сказанием о рождении и смерти солнечного героя Созырыко-Сослана, о его матери – хозяйке Шатане (Сатане, Сатаней), соотносимой в некоторых преданиях с образом богини с веретеном [5, 1985, с. 131, 155-156].

В помещениях прямоугольного комплекса Чоль-тобе, где были совершены жертвенные погребения мужчин, сохранились следы от костров, свет от которых выходил наружу через проемы во внешних стенах, имитируя солнечные лучи. Смерть Сослана, преследуемого и настигнутого Колесом Барсага или Святого Иоанна, – аналогия с хорошо известными обрядами игрищ в дни летнего солнцестояния – позволяет определить место этого героя во времени. И в целом его цикл подтверждает это объяснение [22, с. 17, 76]. Чаще всего эти праздники устраивались в канун летнего солнцестояния или в день летнего солнцестояния. По свидетельству одного средневекового автора, у праздника святого Иоанна имелись три отличительные черты: костры, факельное шествие с обходом полей и катание колеса, символизирующего солнце. Колесо Барсага, принесшее смерть Созырыко-Сослану, по виду и по назначению – солнечное колесо [57, с. 581-590; 23, с. 73-75].

Каждый год в июне, то есть к Иванову дню (или в самый день), во время летнего солнцестояния, когда отмечают крупнейшие европейские праздники «Полыхающих колес», отмечается также «праздник Сослана» около предполагаемой его могилы в Осетии [22, с. 76]. Близ могилы в июне дигорцы режут баранов и молятся Сослану о

хорошей погоде. В.Ф. Миллер среди перечня дзуаров Осетии упомянул могилу Сослана [42, с. 261].

Главный осенний праздник у осетин отмечался в месяц св. Георгия (приблизительно 2-я половина октября и 1-я ноября) [42, с. 263]. Сам праздник приходился на первую половину ноября. Ритуал праздника – древний, языческий. Св. Георгий известен у осетин под именем Уастырджи. Праздник приурочен к перегону скота с летних пастбищ в аулы [2, с. 130]. Праздничные дни в честь Уастырджи по значимости и масштабам пиршества являлись самыми большими в годовом цикле календарных праздников осетин. Уастырджи – божество староосетинского пантеона. Он имеет связь с аграрной религией, является покровителем путников и воинов, наделен чертами солнечного божества. Некоторые черты культа Уастырджи и связанные с ним обряды позволили видеть в его образе прототип аланского бога войны. Об этом свидетельствуют многочисленные военные доспехи и военизированные обряды. Интересен обряд побратимства – братания солдат, который совершался у алтаря святилища Реком в далеком прошлом. Это святилище считается главным средоточием всех явлений и понятий, связанных с древнеаланским культом и его трансформированными вариантами, касающимися Уастырджи [61, с. 483-489].

Погребение воина с мечом и фигуркой коня на памятнике Кзыл-Кайнар-тобе, вероятно, может быть соотнесено с культом Уастырджи.

Судьба раннеаланского этноса связана с Кангюй и Яньцай [49, с. 27]. С.Г. Кляшторный сопоставил Кангюй с Кангхой Авесты, Кан-Дезом зороастрийской литературы VIII–IX вв., Кангом «Шах-наме» и локализовал Кангюй на средней Сырдарье [27, с. 161-179]. В I-х вв. н. э. власть Кангюя распространилась на соседнее владение Яньцай [31, с. 180]. В оригинальных китайских источниках сведения об Яньцай встречаются с II в. до н. э. до III в. н. э. (позднее идут повторения). Высказано много догадок и гипотез об этом этническом наименовании, но, по заключению Б.А. Литвинского, ясно, что это – сармато-аланские племена Приаралья [34, с. 35; 35, с. 17-18]. Сведения из «Хоу Хань шу», «Вэй люэ» и и более ранних источников относительно Яньцай совпадают. По сообщению Хоу Хань шу, «владение Яньцай переименовалось в Аланья» [9, с. 150,229]. Аланья – это аланы, заселявшие в середине III в. нашей эры области от берегов Арала и Каспия до Дона, включая Северный Кавказ и Причерноморье, на Дунае аланы имели столкновения с римлянами [8, с. 25].

Т.А. Габуев, суммируя высказанные мнения и не вдаваясь в вопрос о границах этого государства, констатировал, что основные территории Кангюя находились в бассейне Средней Сырдарьи и в районе реки Талас. При такой локализации поиск территории, занимаемой Яньцай (Яньцай отстоит от Кангюя на 2000 ли, то есть 800 км), приводит в Восточное Приаралье, поскольку Яньцай «лежит при большом озере» (Аральском море), и на Сырдарью в её нижнем течении [16, с. 85,88-89]. Л.А. Боровкова на основании тщательного изучения китайских источников, используя разработки китайских исследователей, определила, что владение Яньцай должно располагаться в Юго-Восточном Приаралье с центром недалеко от современной Кзыл-Орды [11, с. 65].

В античной литературной традиции сохранились сообщения о массагетском происхождении алан. Алан связывал с массагетами Кассий Дион Коккеан [25, с. 139] и Аммиан Марцеллин [4, с. 540]. С точки зрения В.И. Абаева, название народа «алан» является производным от древнего названия иранцев «агуа» [1, с. 246].

Согласно Г. Ньюли, аланы обязаны своим именем влиянию культуры иранских ариев. Арии известны благодаря Авесте, ахеменидским надписям и параллельным традициям. В III веке н. э. их имя было неперенным элементом новой национальной идеологии, кульминацией которой была сасанидская пропаганда. Начиная с царствования Ардашира I, их имя стало частью официального титулования правителей. К этому времени относится формирование понятий Эраншахр и Анераншахр для выделения иранских и неиранских земель и народов владений новой династии. В эпоху Шапура I Аланские ворота являлись крайним пределом распространения власти персидских шаханшахов в Анераншахре, в состав которого входили кавказские провинции и Армения. Г. Ньюли в своем исследовании подчеркнул, что аланы не входили не только в Эраншахр, но и в Анераншахр, к которому принадлежали, хотя и с некоторыми перерывами, некоторые кавказские области, в том числе Армения, упомянутая в сасанидских надписях [43, с. 19-20,33,43].

По Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванову, первоначальное значение слова «агуа» – «хозяин», «гость», «товарищ» развивается в отдельных исторических традициях в «товарищ по племени», далее в самоназвание племени и страны [18, с. 755]. Б.И. Вайнберг предположила, что под «агуа» из перечня областей Авесты в «Фравардин-яште» (Яшт XIII, 143-144) понимается область расселения ариаков в низовьях Сырдарьи. Анализ списка перечисляемых народов и исторической ситуации, отображенной в тексте, позволил датировать этот документ не позднее II в. до н. э. С точки зрения Н.Н. Лысенко, военная мощь кочевого государства гарантировала социально-этническому определению «ariakai» (aryana) гораздо больший регион распространения, чем только земли по нижнему течению Яксарта [36, с. 250-251; 14, с. 196].

Китайские наблюдатели постоянно замечали, что обычаи и одежда кангюйцев не отличаются от сармат и алан. В источниках кангюйцы рассматриваются как кочевой народ, но вместе с тем упоминается наличие в их стране городов. Говоря об Яньцай, китайская история эпохи младших Хань сообщает, что «народ живет внутри глиняных стен». Это служит косвенным указанием на то, что и на территории Кангюя, образ жизни жителей которого был похож на Яньцай, так же имелись оседлые поселения [35, с. 18]. М.И. Филанович отметила возможную правоту Б.А. Литвинского, отождествлявшего Яньцай (в будущем Аланья) с Приаральем, предположив, что ему может соответствовать район Джетыясаров с его «глиняными стенами», то есть, мощным крепостным строительством [58, с. 175].

Анализируя китайские источники, Л.А. Боровкова привела сведения, свидетельствующие о падении былого могущества государства Кангюй к III–IV вв. н. э. Особенно интересно, с ее точки зрения, указание на то, что в это время кангюйцы по облику, обычаям и одежде были подобны даваньцам, жителям государства Давань, занимавшего центральную и восточную часть Ферганской долины. Даваньцы, по сообщению в «Ши цзи», повторенном в «Хань шу», были европеоидами, вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Следовательно, и канцзюйцы были европеоидами. Во II–I вв. до н. э. они были кочевникам, а к IV в. н. э. перешли на оседлый образ жизни, но судя по описанию, занимались отгонным животноводством [12, с. 312].

Племена, исконно обитавшие на территории Кангюя, участвовали в этногенезе и формировании алан. С точки зрения некоторых исследователей, именно Кангюй явился колыбелью народа, более тысячелетия существовавшего под именем «аланы» [16, с. 128]. Сложение в низовьях Сырдарьи сармато-аланской этнокультурной общности положило начало распространению ее в Закаспии,

Северном Кавказе и оседанию сарматских групп на окраинных территориях Хорезма, в Приаралье, северных районах бухарского и самаркандского Согда, о чем свидетельствуют материалы изучения могильников на границах Хорезма, Заузбойского плато, Бухарского и Самаркандского оазисов [58, с. 176-177].

С упоминанием алан встречается упоминание асов. По мнению специалистов, племенное объединение асов было локализовано в отрарско-каратауском регионе. Т.А. Габуев отметил, что асов следует рассматривать как этническую единицу, составляющую общеаланский этнический массив и сохранившую в своем названии связь с асиями-асианами античных авторов [16, с. 128]. Племенное объединение асов было локализовано в отрарско-каратауском регионе. На основании археологических находок было высказано предположение, что местом расселения ранних асов можно считать долину р. Арысь, где асы в количественном отношении преобладали. Но следы их пребывания зафиксированы на значительно большей территории. Данные топонимики свидетельствуют о том, что более всего асиев-асианов-асов сохранилось в долинах рек Талас, Арысь и Сырдарья (низовья и среднее течение). Это дало основание считать их основными районами расселения ранних асов, а наименование «асса-аса» было самоназванием племени. Есть предположения о связи передвижений сырдарьинских племен с появлением аланов и ассов на Северном Кавказе [24, с.129-130]. На исторических судьбах аланов и асов прослеживаются Казахстанско-кавказские связи и по археологическим находкам предполагается миграция какого-то племени из Казахстана на Кавказ. Не исключено, что мигрирующие в VII в. асы-азы приняли активное участие в создании Хазарского каганата [3, с. 186-188]. Первое по времени документальное указание на асов кавказских содержится в «Армянской географии» VII в. [29, с. 30].

Из исторических и археологических источников известно, что союзы позднесарматских племен, в состав которых входили и аланы, в III–IV вв. занимали Северо-Западное Приаралье и Прикаспий, нижнее течение Волги и Дона, степную часть Северного Кавказа и восточную часть Северного Причерноморья, включая Крым. В рассматриваемое время эти союзы играли большую роль на юго-востоке Европы; связанные с городами Северного Причерноморья, сармато-аланские племена создали своеобразную материальную культуру, представленную в сотнях исследованных археологических памятников. В III–IV вв. эти родственные ираноязычные племена были известны в письменных источниках под общим именем аланы, что отражено у Аммиана Марцеллина. Говоря далее об аланах, имеются в виду позднесарматские племена, объединенные этим собирательным термином.

В основе сложения храмовой архитектуры Южного Казахстана и Жетысу конца III–IV вв. (Культобе, Чоль-тобе, Кзыл-Кайнар-тобе) заложен принцип, использованный в погребальных сооружениях, с которыми в эпоху «протогородов» соотносилась идея храма. В то же время, в планировке и оформлении крестообразных построек сармато-аланских племен прослеживается сходство с ранними христианскими памятниками [56]. Вероятно, при исследовании формирования и развития крестообразного и крестово-купольного типов культовых построек христиан следует учитывать храмы сармато-алан. Формирование архитектуры осуществлялось под воздействием историко-культурных процессов, происходивших в то время. Возможно, часть сармато-аланских племен из этих районов достигла территории Римской империи. Предполагаемую версию подтверждает появление в начале н. э. построек с планом в виде креста, получивших дальнейшее развитие в Византии и в странах христианского востока в V–VIII вв. Крестообразные и крестовокупольные типы христианских храмов распространяются в Крыму и на Кавказе в V–VI, VII вв., в Алании в X–XI вв. Эти территории были местом расселения аланских племен, там поддерживалась связь с Византийской империей. Промежуточным звеном между сармато-аланскими храмами

Солнца, связанными с погребальным культом, и христианскими памятниками предположительно явились позднеантичные мавзолеи.

Г.А. ТЕРНОВАЯ

(Ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана,

к.и.н.)

Литература

- 1 Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. – М.;Л.: АН СССР, 1949. – 602 с.
- 2 Абаев В.И. Избранные труды. Т.1: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – 640 с.
- 3 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар.– Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1972. – 216 с.
- 4 Аммиан Марцеллин, Римская история. – М.: Ладомир, 2005. – 631 с.
- 5 Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня. // Древняя Анатолия. – М.: Наука ГРВЛ, 1985. – С. 128-168.
- 6 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы: Баур, 2005. – 224 с.
- 7 Байпаков К.М., Терновая Г.А. К вопросу об этнической принадлежности культовых построек Южного Казахстана и Жетысу конца III–IV вв.
- 8 Бахрах Б.С. Аланы на Западе: от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья. – М.: Ард, 1993. – 190 с.
- 9 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. – М.;Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 335 с.
- 10 Богомолов Г.И., Ильясова С.Р. К дискуссии о зданиях с крестообразной планировкой в Чаче. // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии.– Самарканд: Зарафшан, 2010. – С. 106-116.
- 11 Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). – М.: Наука, 1989. – 177 с.
- 12 Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II–I веках до н. э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. – 368 с.
- 13 Брыкина Г.А. Погребальные сооружения и обряды Ферганы I тысячелетия н. э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Вост. лит-ра РАН, 2001. – С. 102-123.
- 14 Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности (VII в. до н. э. – VIII в. н. э.). – М.: Вост. лит-ра РАН, 1999. – 358 с.
- 15 Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе 2 (I – начало IV в. н. э.). // Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1968. – С. 11-79.
- 16 Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). – Владикавказ: Иростон, 1999. – 148 с.
- 17 Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования). // СА, 1977. – №3. – С. 107-120.
- 18 Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Часть 2. – Тбилиси: Тбилисский университет, 1984. – 889 с.
- 19 Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука ГРВЛ, 1980. – 256 с.

- 20 Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. – Владикавказ: Алания, 1992. – 279 с.
- 21 Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. (Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). – Киев: «Наукова думка», 1975. – 176с.
- 22 Дюмезиль Ж. Осетинский эпос. – М.: Наука, 1976. – 277 с.
- 23 Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. / Сокр. пер. с франц. А.З. Алмазовой. Послесл. В.И. Абаева. – М.: Наука ГРВЛ, 1990. – 229 с.
- 24 Иностранцев К.А. Хунну и Гунны. // Труды тюркологического семинария. 1. – Л., 1926. – 152с.
- 25 Кассий Дион Коккеан. Римская история. Книги LXIV-LXXX. / СПб.: СПбГУ ; Нестор-История, 2011. – 456 с.
- 26 Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. –168 с.
- 27 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука ГРВЛ, 1964. – 215 с.
- 28 Коробов Д.С. Социальная стратификация северокавказских алан IV–IX вв. – Budapest, 1999. – 50 с.
- 29 Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ: Ир, 1992. – 392 с.
- 31 Кюннер И.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М. Изд-во вост. лит-ры, 1961. –391 с.
- 32 Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетыясарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э. // Культура и искусство древнего Хорезма. – М.: Наука ГРВЛ, 1981. – С. 170-177.
- 33 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (в первом тысячелетии до н. э. – первом тысячелетии н.э.). – М., 1996. – 398 с.
- 34 Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. // СА, 1967, №2. – С. 29-37.
- 35 Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский Фарн. – Душанбе: Дониш, 1968. – 119 с.
- 36 Лысенко Н.Н. Асы-аланы в Восточной Скифии. – СПб., 2002. – 542 с.
- 37 Максимова А.Г., Мерциев М.С. Восточная округа Тараза в I тыс. н.э. Архив ИА МОН РК. Инв. № 1183. – 150 с., илл.
- 38 Мамонтов В.И. Нестандартные погребальные обряды сарматов. <http://astraheritage.newsujet.com/Material/48/98.htm>.
- 39 Мерциев М.С. Поселение Чоль-тобе в северных предгорьях Киргизского Алатау. // Вестник АН Каз. ССР, № 12. – Алма-Ата, 1966. – С. 69-73.
- 40 Мерциев М.С. Городище Актобе 1 (IV – начало XIII в.) // Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 120-173.
- 41 Мерциев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 79-92.
- 42 Миллер В. Осетинские этюды. Ч. 2. Исследования. / Ученые записки императ. Московск. универ-та. Отд. истор-филологич. Вып. второй. – М., 1882. – 303.
- 43 Ньюли Г. Название Алан в сасанидских надписях. – Владикавказ, 2002. – 44 с.
- 44 Ольховский В.С. Тамга (к функции знака). // Историко-археологический альманах, № 7. – Армавир, 2001. – С. 75-86.
- 45 Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967. – 199 с.
- 46 Рапопорт Ю.А. Хорезмийские асоданы. (К истории религии Хорезма). // СЭ, № 4. – М: Наука, 1962. – С. 65-83.

- 47 Рунич А.П. Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях. // *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии*. – Орджоникидзе, 1969. – Т. 2. – С. 97-111.
- 48 Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. – М., 2007. – 304 с.
- 49 Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк). // *Историко-археологический альманах*. – Армавир, 2001. – № 7. – С.15-40.
- 50 Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И. Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана. // *Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы»*. 12-15 декабря 2011 г., г Алматы. Том. III. – С. 61-71.
- 51 Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев, 1959. – 179 с.
- 52 Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. – VII в. н. э. – Самарканд–Ташкент: Фан АН РУз, 2000. – 342 с., 201 илл.
- 53 Терновая Г.А. О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I–VI вв. // *Известия НАН РК. Сер. общ. наук*. – Алматы: Фылым, 2008, №1 (254). – С. 218-238.
- 54 Терновая Г.А. Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV – V вв. (по результатам археологических работ М.С. Мерщиева). // *Известия НАН РК. Сер. общ. наук*. – Алматы: Фылым, 2009, №1. – С. 275-292.
- 55 Терновая Г.А. Основные принципы планировки и формообразования храмов конца III–IV вв. (отрарско-каратауская культура). – В печати.
- 56 Терновая Г.А. К вопросу о сходстве в планировке и оформлении сармато-аланских храмов конца III–IV вв. и ранних христианских памятников. – В печати.
- 57 Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
- 58 Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. – Ташкент: Фан Узб ССР, 1983. – 231 с.
- 59 Филанович М.И. «Templetown» городища Мингурик в Ташкенте. // *Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура*. (Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной. – М.: ГМВ, М., 2010. – С. 91-93.
- 60 Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии. // *Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения Ю.Ф. Бурякова*. – Самарканд, 2004. – С. 155-161.
- 61 Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – М., 2008. – 711 с.
- 62 Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 190 с.